

Московские дьяволы обмельчали

Шнитке для народа

Андрей Хрипин

Зал Чайковского (КЗЧ) и Капелла Валерия Полянского пригласили народ на концерт памяти Альфреда Шнитке. Те пять лет, что мессия новой музыки пребывает в иных мирах, и нас заставили несколько по-другому воспринимать его музыку. В том, что раньше казалось формализмом и сложностью, сегодняшний взгляд открывает простоту и красоту. Но народная она, увы, пока не стала.

Кантата «История доктора Иоганна Фауста» была создана 20 лет тому назад по заказу Венского концертного общества и завершала собой знаменитый фестиваль «Винер Фестивален» под управлением Геннадия Рождественского. Она могла бы впервые прозвучать в Москве, но ее путь на советскую сцену уподобился криминально-опереточному сериалу с участием КГБ. И так власти держали Шнитке за внутреннего диссидента, а тут еще он осмелился затронуть рискованную в атеистической стране тему сделки с дьяволом и в довершение всего предназначил партию Князя тьмы Алле Пугачевой. На первой (и единственной) репетиции Алла Борисовна по привычке перекроила все на свой лад. Впрочем, уже

во время этой репетиции выявили, что исполнение кантаты запрещено властями, а весь тираж программ с философским предисловием Шнитке арестован КГБ.

И все-таки Полянский стал готовить «Фауста» к «Московской осени». Шнитке наотрез отказался что-либо менять в партитуре, и Пугачева в последний момент заявила, что петь не станет. Спасло премьеру (вокруг КЗЧ в тот день была выставлена конная милиция) второстепенное контральто из Большого театра Раиса Котова, но это было уже совсем не то и по исполнению (разболтанный голос и каша во рту), и по смыслу. Суть кульминационного эпизода гибели Фауста в том, что в точке золотого сечения кантаты высокий катарсис оборачивается трагедией и намеренным снижением – смерть несет карающий Мефистофель в образе вульгарной эстрадной дивы, завывающей в микрофон похабно-банальное, полупьяное танго. Зло как нечто циничное и чудовищно пошлое – этот аспект в исполнении академических певцов уходит на второй план.

Нынешнее исполнение с новым составом выявило существенное выветривание породы у всех персонажей. Даже микро-

фонная подзвучка не смогла оптимизировать из рук вон плохую дикцию. Только доктор Фауст (умный и тонкий камерный певец из Самары, бас-баритон Андрей Антонов) доносил текст более или менее внятно. Рассказчик Олег Долгов (аналог Евангелиста в баховских пассионах) был зажат и вынуждал звукорежиссера то и дело прибавлять громкость. Контртенору Олегу Усову по всем статьям далеко до прежнего Эрика Курмангалиева. Новая Мефистофельша (Татьяна Атавина, известная в прошлом под фамилией Мендес) могла бы заинтересовать любопытствующих экзотикой азиатского облика и размашисто-вульгарной поведкой. Но этого, как, впрочем, и наличия грудного регистра, оказалось недостаточно даже для того, чтобы перекрыть память о вовсе не идеальной Котовой. Схватить дирижера в охапку и пять тактов протанцевать с ним танго, конечно, эффектно. Но этого мало для Шнитке.

Неужели на нашей богатой поп-ниве никогда не найдется Мефистофельши, желающей и способной пропеть вокальную строчку Шнитке? На это годится Лариса Долина, да и Пугачева могла бы наверстать упущенное, пока еще не поздно.

Вопрос лишь в том, какие дивиденды принесет звездам попа нисхождение в «презренную» классику?

Традиции исполнения музыки Шнитке еще не так монументальны, как в случае, скажем, с Прокофьевым или Шостаковичем, поэтому деятельность Капеллы на этом поприще можно считать вполне приемлемым ноу-хау. Да и Полянский в качестве главного адепта музыки Альфреда Гарриевича особых возражений не вызывает. Одночастная Четвертая симфония (1984) звучит без малого час и повествует «тайны радостные», «тайны скорбные» и «тайны славные» о жизни и успении Богоматери. Литургическая медитативность сочетается с «экуменизмом» интонаций – Шнитке соединяет в своей полистилистике мелодический материал католической, протестантской, православной и синагогальной службы. Вначале кажется, что это концерт для фортепиано с оркестром с вкраплениями клавесина и челесты (за роялем был Владимир Овчинников), а финальный акафист «Богородице Дево, радуйся» уже напоминает о традиции духовного хорового концерта. Симфония, исполненная вдохновенно и со знанием дела, и стала самым приятным моментом вечера. ■

Музыкальная. - 2003. - 27 января. - с. 6

Шнитке дьяволы

27.03.03.